

Благодарность*

Э.А. Корсунская

член Союза кинематографистов России, член Союза журналистов России, редактор отдела искусств
Русского энциклопедического товарищества

Взгляд на старость изнутри, внутренняя картина переживаний старости. Так можно кратко выразить содержание этого автобиографического нарратива. В нем, с одной стороны, схематично, ассоциативно и мозаично высвечены основные, достаточно типичные и рутинно повторяющиеся фазы повседневного существования пожилого человека. С другой стороны, делается субъективно-индивидуальная попытка вскрыть глубинный смысл этого этапа жизни человека, философски отнестись к нему как к экзистенциальной проблеме.

Ключевые слова: старость, чувство благодарности, депрессия, старость как свобода.

Я всё пишу о старости, думаю о ней, размышляю. И необыкновенное чувство благодарности охватывает меня. Ведь это она, старость, причина того, что я еще вижу белый свет, небо, снег, радуюсь дождю, читаю. Не будь ее, мне бы ничего этого уже не досталось. Юность, молодость проходят, сменяются. Старость не уходит никуда. Вы до конца жизни вместе...

Много лет назад я смотрела фильм Бергмана «Фанни и Александр», роскошный, избыточный, ироничный. От этой картины отделилась одна сцена, даже не сцена, а долгий план. Узкая, будто застекленная терраса, за окном голубоватые сумерки, на террасе в кресле-качалке пожилая госпожа, глава рода. Она листает альбом фотографий, вглядывается в портреты сыновей, мужа, внуков, не заботясь и не задумываясь, кто жив, а кто остался только на этом снимке. Клан большой и ветвистый, не всех она и помнит, да и не прилагает усилий, чтобы вспомнить, определить их место в своей жизни. Потом она кладет узкие, тонкие руки на раскрытые страницы альбома и говорит задумчиво: «Я хорошо помню – было детство. Потом старость. А что означает этот пресловутый промежуток, о котором столько говорят?..» Вот эта фраза, помню, вошла в меня, как пуля.

По жизни расставлены указатели. Мы их не чувствуем, проходим мимо. Но они есть. И этот, давнишний осколок, даже как будто случайный в блестящем, ярком полотне мастера, застрял во мне, и до сих пор я не могу найти лучших слов для обозначения своей жизни. Может быть, те, кто трудно привыкает к со-

стоянию старости, к этому холодному, безжалостному слову, кто тоскует, борется, не хочет сдаваться (но всё равно сдается, по-другому не может быть), возможно, он, когда был молодым, не заметил этих слов. Но я заметила. И теперь, трудясь над загадкой, что же это со мною такое, почему так мила, так дорога мне моя трудолюбивая, независимая старость, я словно увидела ответ: госпожа в буклях в кресле-качалке, узкая худая рука на фотографиях альбома и тихий голос: «Что же означает этот пресловутый промежуток, о котором столько говорят?»

«Депрессия», – говорят пожилые люди. Говорят отстраненно, непричастно, как произносят «ветер» или «ночь». Стараясь ничего не упустить, перечисляют признаки своей депрессии: пропал сон, аппетит, не хочется читать, смотреть телевизор, на телефонные звонки не всегда поднимаешь трубку. По интонации это напоминает пересказ фильма, когда добросовестно передают события, но фильм уже отсмотрен, финал известен, и потому пересказ лишен чувств.

А между тем всё просто: депрессия не диагноз. Это осознание, что жизнь прожита. Что этот солнечный денек или, наоборот, морозный, синее небо, музыка, в которой бьется живой и чистый человеческий голос, – уже не твое. Когда ты еще жива, но знаешь правду. По утрам проверяешь больные места, и они все на месте. Звонки от детей однообразны – практически по всем телефонным проводам несется один вопрос. Если бы шалун перепутал номера телефонов, никто не заметил бы подмены. Дети звонят

* Редакционный комментарий к публикации. В отличие от общих рассуждений об автобиографических нарративах данный текст характеризуется предельной конкретностью самого предмета описания и осмысления, в нем пульсирует реальная мысль и реальное переживание, что имеет ценность для психологов разных направлений, включая и культурно-историческое.

утром и вечером и спрашивают, как здоровье. Утром и вечером родители добросовестно отвечают, хоть им хочется поговорить о другом. Но дети спрашивают о здоровье, потому что от ответов зависит распорядок их жизни, и родители поспешно отвечают, что все хорошо. Депрессия не диагноз. Это состояние, при котором нити, связывающие человека с жизнью, становятся тоньше паутины...

Когда узнают о смерти знакомого или даже незнакомого человека, на минуту всё смолкает. Молчание – знак уважения к смерти, сочувствие к человеку, который больше никогда не пройдет по земле. И еще бессознательное, легкое движение в глубине души, когда понимаешь, что, слава Богу, тебя пока миновало.

Старость вызывает раздражение. Молодые думают, что они прямо так, легко и красиво перелетят на небеса. И там под звуки классического джаза перед ними распахнутся врата. Но ведь редко так. Те, кто сейчас раздражается, отворачивается и, не отрываясь, смотрит в окно троллейбуса, чтобы не видеть этих блеклых, запавших глаз, вцепившейся в поручень слабой руки, которая все равно не удерживает тела, и оно болтается рывками вперед и назад, они ведь тоже будут стареть. Молодым неприятен вид старости и даже в каком-то смысле непонятно, каким образом здесь оказались эти старухи: сидят дома целый день, а как час пик, выползают и стоят перед глазами. А что им делать, которые стоят? Не на пол же им садиться...

...Шаг, свободный, легкий, летящий? Где он? Нет его. Это вдруг случилось – мелкий, частый осторожный ход, когда хочешь ступать твердо, а на самом деле будто чуть касаешься земли, и земля кажется ненадежной. В движении участвует все тело, подавшееся вперед, и глаза-помощники вглядываются в дорогу, чтобы не пропустить ямки, кочки, кожуры банана, чтобы не поскользнуться, а руки сами собой, без команд и сигналов цепляются за поручни и перила. Как, когда творческие трудовые будни превратились в добывание продуктов, приготовление пищи, еду, отдых, сон? Все время что-то болит, и прежде всего по боли узнаешь, что ты еще жив, и первое желание – преодолеть боль. Но тогда почему с таким упорством, с таким отчаянным азартом мы держимся за это существование? Что в нем? Встать, выпрямиться, подойти к окну. Здравствуй, мир! Книжка была такая детская «Здравствуй, мир!»... Конечно, времени свободного много, и вот так, уютно и спокойно угревшись, можно размышлять, сравнивать прошлое с настоящим, делать выбор. Ну не смешно ли? О каком выборе можно говорить? А между тем можно. Если одним словом определить, старость – это Свобода. Всё мелкое, суетное, тревожное исчезло, как не было, и, оглядываясь назад, с трудом различаешь очертания тех желаний, тревог, надежд, что заполняли жизнь, да, собственно, ее и составляли. Это было жизнью и ушло

вместе с нею. На самом доньшке остался крепкий, горьковатый настой. В нем никаких примесей. Всё ушло, вымылось, состоялось или потеряло смысл. Осталась жизнь, ее воздух, ветер, смена времен года, день, ночь. И те, кто давно умер, сейчас гораздо ближе, чем живые. Вернее, мы гораздо ближе к ним, чем к живым с их шумной, деятельной, устремленной жизнью.

Цветаева писала:

Юный месяц идет к полуночи:
Час монахов и зорких птиц,
Заговорщиков час – и юношей,
Час любовников и убийц.

Эти строчки вспомнились как подсказка. Наш час от одиннадцати до двух дня. Это время принадлежит старухам. Сначала кажется, что все на одно лицо, но, когда становишься одной из них, видишь, что все разные. И получается наоборот: теперь молодые на одно лицо: два-три варианта туалетной воды, длинноногие, промытые, с крашеными светлыми волосами, развевающимися на ветру, с крепко прижатыми, словно вживленными в ухо маленькими телефонами. Дорогая, мягкая даже на вид обувь, модная, свежая, изящная одежда, в руке тоненькая сигаретка. И по этой сигаретке, по запаху, по тонкости каблука можно угадать ступеньку той лестницы, по которой они карабкаются. Сначала они называются «референт», «помощник», «секретарь проекта». Новый мир построим, в нем будем жить. Это кажется им таким заманчивым, привлекательным, небывалым.

Вот другая ступенька, повыше. Тут встают рано, быстро душ, фен, два-три разговора по мобильному, пока подкрашиваются ресницы, телевизор – пощелкать пультом, что там в мире слышно, кофе (растворимый), чай в пакетиках с рекомендованным гастрономическим продуктом. Куснула, жует, зоркий взгляд на бумаги, чуть нахмурилась, но нет, лицо разгладилось, всё в порядке, портфель защелкнул. На секунду губа прижалась к губе с бесцветной помадой, никакого макияжа. Как будто всё. Бутерброд не доеден, кофе не допит – тоже знаки новой, напряженной и немножко шикарной жизни. Да-да, об этом не говорится, но это так. Взяла бы эту недоеденную нарезку, вынесла во двор – там найдется кому съесть, не говоря уж о кошках и собаках. Но ведь там, во дворе, никого нет! Как нет? Ну, конечно, нет. Разве? Нет, моя собака дома, только что пришла с гулянья, лапы ей моет домработница. Как раз сейчас. Машина моя у подъезда, верный конь вороной. Конечно, метро быстрее. Эти пробки невыносимые совершенно расшатали нервы. Но что же делать? Ехать же как-то надо. Нельзя же приехать на работу на метро. Рассмеялась, почти уткнувшись в зад «жигуленка».

С одиннадцати до четырнадцати – время старух. Ах, как много можно рассказать об этом. Как им хочется разговаривать, как они боятся что-то забыть,

не дослышать, не понять. Как иные благодарны за малую услугу, а другим мерещится, что они еще опираются на широкие ручки своего начальничьего кресла. А их уж вытряхнули давно, и кресла того нет, а им всё кажется, что они в нем, и всё требуют, всё командуют. Ах, какая нас прорва... Утром – к рынку. В другое утро – к сберкассе. В третье – поликлиника, если врач с утра, а если с трех, то днем. Вечера – по-разному. Большинство дома (если осень холодная, или зима, или ранняя весна). Ждут звонка от детей, от внуков. Часто напрасно ждут, но терпеливо, и это уже как дело. Телевизор готов к услугам. Особых забот с ним нету, плохо ли видно, слышно, не так уж и важно. У некоторых собаки. Эти счастливы. Их старость спокойна и надежна. Нет, от одиночества они не страдают. Помощь иногда нужна – прибить что-то, донести. Но одиночества нет. Вот оно, ды-

шит, дремлет, слышит стук твоего сердца. У старух, как правило, старые собаки. Не то что как правило, а закон. «Нам вместе сто пятьдесят лет», – смеется хозяйка из второго подъезда. Иногда зайдут в магазин: «Что бы нам такого купить?» – «Вот, возьмите йогурт новый». – «Сладкий?». – «Нет, не сладкий, как раз для вашей собачки». – «Тогда давайте две штуки». Идут домой, помахивая пакетом. Собака рада: поужинаем. И хозяйка рада, что собака рада. Так и живут. Эти цепи не разорвать, нет такой силы. Только смерть. И хозяйка останавливается, чтобы унять сердцебиение. Нет, нет, еще не сейчас. Будем ужинать, читать, подруга позвонит, фильм посмотрим. А потом спать. Поздно, и собака сердится, смотрит с притворным удивлением: «Долго еще?» – и прямо голову роняет на пол от усталости. Хитрости твои давно известны, родная моя, сейчас иду. Вот и ночь.

Gratitude

E.A. Korsunskaya

Member of the Russian Cinematographers Union and of the Russian Journalists Union,
Editor of the Arts section at the Russian Encyclopedic Partnership

An inside view of the old age – that is how this autobiographical narrative can be described. On the one part, the article schematically shows the main, typical, routinely recurring phases of an elderly person's everyday life. On the other part, the author makes a subjective attempt to find the deep meaning of this stage of life and to regard it as a philosophical, existential problem.

Keywords: old age, feeling of gratefulness, depression, old age as freedom.